ПРОФ. И. Е. ЕВСѢЕВЪ.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА

РУССКАГО ПЕРЕВОДА

БИБЛІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Синодальная типографія.
1913.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА

русскаго перевода Библіи [1]).

(1816 — 1916).

Сто лѣтъ назадъ въ стѣнахъ нашей Петроградской духовной академіи происходило пытливое ожиданіе новаго для того времени дѣла. По мысли недавно утвержденнаго тогда Россійскаго Библейскаго Общества, возникло намѣреніе дать русскому народу переводъ Библіи на народномъ русскомъ языкѣ, и осуществленіе этого предпріятія предполагалось возложить на молодую тогда нашу духовную академію. 28 февраля 1816 года былъ изданъ Высочайшій указъ о необходимости русскаго перевода Библіи, къ исполненію

[1]) Рѣчь, произнесенная 31 января въ актовомъ залѣ Императорской Петроградской духовной академіи, на годовомъ собраніи Коммиссіи по научному изданію славянской Библіи, посвященномъ памяти столѣтія со дня начала русскаго синодальнаго перевода Библіи.

этого указа привлечена была наша духовная академія, и, съ того времени до самаго завершенія переводческаго дѣла въ изданіи русской Библіи 1875 г., академія почитала переводъ Библіи самымъ близкимъ и дорогимъ для себя дѣломъ; переводъ родился и выросъ на рукахъ нашей академіи, въ ея стѣнахъ онъ сталъ на-ноги; его выполненіе является одной изъ главныхъ общепризнанныхъ заслугъ нашей академіи въ ея столѣтней жизни. На годовомъ торжествѣ нашей библейской Коммиссіи, принявшей на себя разработку библейскихъ традицій нашей славянской Библіи, позволительно, думаемъ, привести на память почтеннаго собранія столѣтнюю судьбу ближайше родственной къ задачамъ Коммиссіи русской Библіи.

Русскій переводъ Библіи въ цѣломъ имѣетъ болѣе, чѣмъ столѣтнюю исторію. Какъ и всякій народный переводъ Библіи, онъ стоитъ въ связи съ подъемомъ и развитіемъ народнаго самосознанія или съ особыми переживаніями этого самосознанія и вслѣдствіе этого восходитъ далеко въ глубь исторіи. Первые яркіе и настойчивые опыты переложеній отдѣльныхъ частей Библіи на русскій языкъ относятся къ XVI вѣку и связаны съ особыми историческими судьбами западной и юго-западной Руси. Въ

это время для этой части русскаго народа явилась потребность въ особыхъ средствахъ для пробужденія и развитія своей вѣры и своего національнаго духа, для защиты ихъ отъ угнетенія польской государственности, польскаго языка и католичества. Православная іерархія и православный народъ оказались въ Западной Руси среди иновѣрнаго правительства и иновѣрной знати. Іерархія охладѣла къ своей просвѣтительной дѣятельности, духовенство утратило способность учительства, и православный народъ оставался лишеннымъ всякаго просвѣщенія и утѣшенія. На смѣну своимъ природнымъ пастырямъ явились сторонніе просвѣтители. Въ духѣ того времени было просвѣщеніе начинать или соединять съ народнымъ переводомъ Библіи, съ приближеніемъ къ народному сознанію Слова Божія. И вотъ въ XVI вѣкѣ появляется до дюжины особыхъ народныхъ библейскихъ переводовъ, преимущественно Евангелія и Псалтири, на западно-русское и южно-русское нарѣчіе. Переводы дѣлаются съ польской, рѣже съ чешской Библіи, и даже съ еврейскаго текста. Всѣ они появляются независимо другъ отъ друга; почти всѣ стоятъ въ связи съ миссіонерскими замыслами, преимущественно социніанъ и кальвинистовъ; переводы съ еврейскаго языка обнаруживаютъ еврей-

скія тенденціи какого-то реформаціоннаго еврейскаго движенія. Только два изъ этихъ переводовъ дошли до типографскаго станка—переводъ Библіи Скорины и переводъ Евангелія Василія Тяпинскаго, всѣ остальные оставались въ рукописяхъ и едва ли имѣли широкое употребленіе. Распространенію ихъ среди православныхъ читателей препятствовало ихъ чуждое православію происхожденіе—иногда прямо изъ враждебнаго церкви лагеря, въ особенности же мѣшалъ ихъ необычный языкъ изъ западно-русской и южно-русской необдѣланной рѣчи, обвѣянной еще польскими звуками. Къ тому же православная традиція—въ лицѣ свѣтскихъ ревнителей церкви—выдвинула противъ этого новаго литературнаго замѣстителя церковно-славянскаго языка въ библейскомъ употребленіи знаменитое Острожское изданіе славянской Библіи 1581 года. Этимъ изданіемъ была въ значительной степени удовлетворена потребность въ приближеніи къ народу Слова Божія въ обычной церковно-славянской формѣ, было создано могучее средство литературнаго и церковнаго общенія западной и юго-западной Руси съ восточной половиной русскаго народа и другими южно-славянскими народами, но эти заслуги Острожской Библіи были куплены дорогой цѣной для западно-русской лите-

ратуры: библейскіе переводы прекратились, а съ ними исчезли или сократились и драгоцѣнные опыты для развитія мѣстнаго нарѣчія и народнаго воспитанія въ національномъ духѣ.

Ни XVII, ни XVIII вѣку также не суждено было дать національный русскій переводъ Библіи. Тотъ небольшой интересъ къ Библіи, какой обнаруживали эти вѣка, удовлетворялся славянскимъ переводомъ, и къ усовершенію этого славянскаго перевода и направлялись тогда всѣ наличныя силы. Были отдѣльныя частныя попытки приблизить къ народному пониманію Псалтирь (переложеніе Псалтири Симеона Полоцкаго, переводъ Псалтири съ еврейскаго Абрама Панкратовича Ѳирсова) въ XVII в., было какое-то переложеніе на русскій языкъ въ началѣ XVIII вѣка всей Библіи, сдѣланное, будто бы, пасторомъ Глюкомъ. Но ни одно изъ этихъ предпріятій не оставило послѣ себя какого-либо слѣда въ исторіи русскихъ библейскихъ переводовъ, а дѣятельность пастора Глюка по переводу всей Библіи кромѣ того извѣстна намъ только по имени.

Вызвать къ жизни русскій переводъ Библіи суждено было только XIX вѣку. Первый толчокъ къ переводу или самая мысль о переводѣ дана была русскому обще-

ству, какъ мы уже упомянули, иностраннымъ британскимъ библейскимъ обществомъ, получившимъ въ Россіи въ 1812 году особую организацію подъ названіемъ петербургскаго, а съ 1814 года россійскаго библейскаго общества. Но идея о приближеніи Библіи къ сознанію русскаго православнаго народа на русскомъ языкѣ скоро воспринята была отзывчивою частью русскаго общества и стала чисто-русской національной задачей. Уже послѣ перваго засѣданія британскаго библейскаго общества въ началѣ 1813 года, на которомъ обсуждался вопросъ о доставленіи возможности читать Библію русскимъ инородцамъ на ихъ языкахъ, ректоръ нашей академіи архимандритъ Филаретъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Московскій, тревожно задумывалъ: *да не отъимется хлѣбъ чадомъ...*

Образовался кругъ лицъ, который поставилъ для себя долгомъ совѣсти осуществить русскій переводъ Библіи при россійскомъ библейскомъ обществѣ. Такой идеей одушевлены были нѣкоторыя духовныя лица и среди нихъ особенно архимандритъ Филаретъ; большинство же было лицъ свѣтскихъ, какъ князь Голицынъ, президентъ библейскаго общества и въ то же время министръ духовныхъ дѣлъ и Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сунода, Лабзинъ, Поповъ; эти послѣднія лица соеди-

няли интересъ къ библейскому дѣлу съ увлеченіемъ къ распространенному тогда въ петроградскомъ обществѣ мистицизму.

Высочайшимъ указомъ 28 февраля 1816 г. дѣло перевода Библіи на русскій языкъ поручено было Святѣйшему Сѵноду. Святѣйшій Сѵнодъ возложилъ обязанность осуществить переводъ на Комиссію духовныхъ училищъ, а Комиссія въ свою очередь передовѣрила свое право, или, вѣрнѣе, переложила свои обязанности на библейское общество, и такимъ образомъ высшая церковная власть отклонила отъ себя непосредственное наблюденіе, заботы и отвѣтственность за это дѣло. Общество непосредственное осуществленіе перевода возложило на ректора нашей духовной академіи архимандрита Филарета. Комиссіей духовныхъ училищъ выработана была для руководства при переводѣ особая инструкція, составленная, вѣроятно, главнымъ вдохновителемъ этого дѣла — Филаретомъ; въ этой инструкціи опредѣлялся порядокъ перевода, отношеніе его къ оригиналу—греческому тексту въ Новомъ Завѣтѣ и еврейскому въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, достоинство стиля (чистый книжный языкъ) и порядокъ провѣрки перевода въ Библейскомъ обществѣ чрезъ особый комитетъ изъ духовныхъ особъ—членовъ общества. Переводъ былъ начатъ съ Евангелія.

Непосредственный трудъ перевода раздѣленъ былъ такъ: Евангеліе отъ Матѳея пере-

водилъ священникъ Г. П. Павскій, Евангеліе отъ Марка—ректоръ здѣшней семинаріи архимандритъ Поликарпъ, Евангеліе отъ Луки—бывшій баккалавръ здѣшней академіи архимандритъ Моисей и Евангеліе отъ Іоанна—ректоръ академіи архимандритъ Филаретъ. Переводъ Евангелія былъ исполненъ и провѣренъ въ комитетѣ библейскаго общества въ 1816 и 1817 г.г. Такимъ же порядкомъ къ 1822 г. были переведены Дѣянія и Посланія Апостольскія и вообще весь Новый Завѣтъ, къ великой радости русскаго общества, какъ о томъ оффиціально доносили съ мѣстъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода епархіальные архіереи. По общему признанію того времени, наша академія, подъ руководствомъ и по почину Библейскаго Общества, выполнила тогда, на зарѣ своей жизни, великое церковное и просвѣтительное дѣло.

Еще во время перевода Новаго Завѣта Библейское Общество издало Псалтирь въ русскомъ переводѣ трудами преимущественно тѣхъ же дѣятелей, которые работали и по переводу Новаго Завѣта, т. е. Г. П. Павскаго и Филарета. Тогда же поднятъ былъ въ Библейскомъ Обществѣ вопросъ о переводѣ, по окончаніи работъ надъ Новымъ Завѣтомъ, священныхъ книгъ Ветхаго завѣта. Общество для ускоренія дѣла рѣшило распредѣлить переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ между тремя академіями—

петроградской, московской и кіевской и не замедлило сообщеніемъ московской и кіевской академіямъ тѣхъ же требованій при переводѣ, какія предъявлены были къ петроградской академіи въ извѣстной инструкціи. Согласно этому рѣшенію, книга Бытія была переведена съ еврейскаго Филаретомъ, тогда архіепископомъ тверскимъ; книга Исходъ въ московской академіи поручена была для перевода профессору еврейскаго языка Тяжелову, а для облегченія труда Тяжелова черновой переводъ, повидимому, былъ возложенъ академіей на виоанскую семинарію, гдѣ надъ переводомъ трудилось пять лицъ; книгу Чиселъ переводила кіевская академія въ лицѣ баккалавровъ — еврейскаго языка Максимовича, математики и физики Колерова и словесности Соколова. Академіи выполнили свои порученія въ 1820 и 1821 годахъ. Петроградская академія вела переводъ другихъ книгъ Пятокнижія, съ возложеніемъ на главнаго переводчика Г. П. Павскаго общей редакторской работы по этимъ переводамъ и по наблюденію за печатаніемъ.

Въ 1824 г. Пятокнижіе было отпечатано, но предсѣдательствовавшій въ комитетѣ Библейскаго Общества, послѣ князя А. Н. Голицына, митрополитъ Серафимъ предложилъ Комитету о Высочайшемъ соизволеніи, чтобы «отпечатанныя пять книгъ Моисее-

выхъ въ переводѣ на русскомъ языкѣ особо отъ прочихъ книгъ не издавать, но продолжать изданіе перевода книгъ ветхозавѣтныхъ такъ, чтобы онѣ вмѣстѣ съ Новымъ Завѣтомъ составили пять томовъ по примѣру московскаго сѵнодальнаго изданія Библіи славянской; посему первый томъ Библіи и на русскомъ языкѣ окончится книгою Руѳь». Въ 1825 году 7 ноября было вновь объявлено Высочайшее повелѣніе, «чтобы оконченный печатаніемъ первый томъ Библіи въ переводѣ на русскій языкъ не приводить въ употребленіе впредь до разрѣшенія».

Но изданный въ 1825 г. первый томъ русскаго перевода Библіи—Восьмикнижіе никогда въ свѣтъ не выходилъ: когда-то, позднею осенью 1825 года, все изданіе этого тома, за исключеніемъ случайныхъ экземпляровъ, было сожжено на лаврскомъ кирпичномъ заводѣ. И, не смотря на неоднократныя попытки преданныхъ этому дѣлу лицъ, какъ митрополитъ Филаретъ, дѣло перевода не могло получить продолженія. Въ 1826 году было закрыто Библейское Общество, и дѣло перевода заглохло болѣе чѣмъ на тридцать лѣтъ.

Трудно усмотрѣть какія-нибудь дѣйствительныя причины къ тому шагу, какой предприняло правительство по отношенію

къ библейскому переводу и вообще къ Библейскому Обществу. На общество взводились обвиненія, совершенно сторонніе для его дѣятельности. Указывали, напр., что Общество сразу, безъ подготовки, даетъ всю Библію въ руки народу, что можетъ повести къ смущенію умовъ и потрясенію основъ вѣры. Нѣкоторые были недовольны внесеніемъ русскаго языка, непривычныхъ обозначеній въ ту область, которая освящена была многовѣковымъ употребленіемъ славянскаго языка. Смущало иныхъ то обстоятельство, что Библейское Общество, распространяя Библію на народныхъ языкахъ по всему міру и ограждая ее отъ всякихъ толкованій и примѣчаній, принижаетъ православіе, выдвигая на первое мѣсто какъ какой-то идеалъ особое внѣисповѣдное христіанство. Зазорнымъ и опаснымъ для православія казалось устраненіе отъ библейскаго дѣла Святѣйшаго Сѵнода и веденіе перевода учрежденіемъ не духовнымъ, состоявшимъ въ значительной части изъ лицъ иновѣрныхъ, хотя, странно, здѣсь не припоминалось, что при надлежащей подвижности и заботливости высшаго духовнаго управленія къ потребностямъ народа въ словѣ Божіемъ самое выступленіе Библейскаго Общества въ Россіи было бы излишнимъ. Наиболѣе значительно было обвиненіе противъ

князя Голицына, президента Библейскаго Общества, министра духовныхъ дѣлъ и оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода въ пристрастіи къ мистицизму, къ чему склонялись и другіе члены Библейскаго Общества. Зловредная, будто бы, цѣль мистицизма—ниспроверженіе всего церковнаго и государственнаго строя русскаго государства—избрала распространеніе Библіи на народномъ языкѣ однимъ изъ наиболѣе удобныхъ средствъ для объединенія всѣхъ состояній.

Болѣе вѣроятно, при такихъ слабыхъ обвиненіяхъ противъ Библейскаго Общества, видѣть причину его закрытія въ личныхъ отношеніяхъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей къ главѣ Общества—князю Голицыну. Митрополитъ Серафимъ и другіе владыки не склонны были благоволить Обществу, гдѣ они не только не имѣли рѣшающаго голоса, но находились даже въ меньшинствѣ среди лицъ свѣтскихъ и иновѣрныхъ. Они поняли, что, передавъ изданіе Библіи стороннему Обществу, они ограничиваютъ права и вліяніе Сунода и свое собственное.

Но едва ли за спиною всѣхъ явныхъ и тайныхъ недоброжелателей Библейскаго Общества не стоялъ голосъ лица, не желавшаго видѣть близость князя Голицына къ Государю Александру Павловичу, не желавшаго

дѣлить съ нимъ свое исключительное положеніе при особѣ Императора. Мы разумѣемъ графа Аракчеева. По крайней мѣрѣ, тотъ кругъ недоброжелателей Библейскаго Общества, изъ котораго выходили прямыя и косвенныя обвиненія противъ Общества, т. е. Шишковъ, Магницкій, Руничъ, митрополитъ Серафимъ и темная фигура архимандрита Фотія состояли въ оживленныхъ сношеніяхъ съ знаменитымъ временщикомъ и, по своей охранительной дѣятельности по части основъ государственнаго строя, стояли въ томъ лагерѣ, который опирался на Аракчеева. Каковы бы ни были причины нападокъ и обвиненій противъ Библейскаго Общества, онѣ стояли внѣ собственной дѣятельности Общества.

Обвиненій противъ библейскихъ переводовъ никто на Общество не возводилъ, если не считать одной странной придирки недоброжелателей къ ошибкѣ Общества въ изготовленномъ Обществомъ персидскомъ переводѣ Новаго Завѣта, ошибки вполнѣ естественной и тогда же исправленной Обществомъ. Закрытіе Библейскаго Общества нельзя не признать прискорбной исторической ошибкой въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. Для дѣла же перевода Библіи это закрытіе было особенно печально. На долгіе годы самая мысль о переводѣ была невозможной.

Духовная власть 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, во все время царствованія Николая Павловича, зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы завѣса, прикрывавшая Слово Божіе въ славянскомъ текстѣ отъ непосредственнаго разумѣнія народа, не раскрывалась чьими-либо руками. Какъ и всѣ стороны государственнаго управленія въ царствованіе Николая Павловича, церковное управленіе направлено было къ охраненію существовавшаго положенія дѣлъ, къ пресѣченію всякихъ нововведеній и всякихъ вопросовъ, возбуждавшихъ мысль, къ развитію дисциплины въ іерархическихъ отношеніяхъ и однообразія въ формѣ жизни и даже мысли. Всякое начинаніе въ духовной средѣ, особенно въ области духовной мысли, только тогда могло разсчитывать на успѣхъ, если оно укладывалось въ форму господствовавшей консервативно-дисциплинарной системы. Русскій переводъ Библіи рѣшительно не укладывался въ господствовавшія рамки обще-государственнаго и церковнаго міровоззрѣнія.

Духовная власть имѣла тогда подходящаго къ ея общему стилю осуществителя своего настроенія въ лицѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Протасова. Онъ провелъ въ высшемъ духовномъ управленіи рядъ мѣръ, которыми совершенно устранялась возмож-

ность появленія въ русской церкви національнаго перевода Библіи. Онъ перемѣнилъ строй высшаго духовно-учебнаго управленія: уничтожилъ Коммиссію духовныхъ училищъ и образовалъ на ея мѣсто духовно-учебное управленіе съ подчиненіемъ его оберъ-прокурору, чего при комиссіи не было; духовно-учебныя заведенія, въ томъ числѣ и академіи, ставились въ полное и непосредственное вѣдѣніе оберъ-прокурора и лишались навсегда возможности принимать участіе въ какомъ-нибудь не одобренномъ оберъ-прокуроромъ предпріятіи.

Еще значительнѣе перемѣна произведена была имъ во внутреннемъ направленіи духовнаго образованія. Этой перемѣной произведена была попытка перевоспитать строй мысли тогдашней школы и общества относительно такихъ нововведеній, какъ новый переводъ Библіи. Протасовъ рядомъ учебныхъ изданій и приспособленіемъ учебныхъ программъ старался разъ-навсегда остановить теченіе мысли въ школѣ на удобныхъ для того времени охранительныхъ тенденціяхъ. Укажемъ немногое. Онъ поручилъ митрополиту Филарету перевести Патріаршія грамоты, т. е. грамоты восточныхъ патріарховъ XVIII в. Святѣйшему Суноду, и издалъ ихъ. Въ этихъ грамо-

тахъ, написанныхъ подъ латинскимъ вліяніемъ, согласно съ латинской церковной дисциплиной, Св. Писаніе объявляется доступнымъ для всѣхъ вѣрующихъ только для слушанія, а не для самостоятельнаго чтенія. «Предоставлять неискуснымъ чтеніе Св. Писанія то же, что младенцамъ предложить употребленіе крѣпкой пищи».

Знакомить народъ съ Св. Писаніемъ будетъ только духовенство, но для него не нуженъ русскій переводъ Библіи: оно въ своихъ школахъ будетъ сживаться съ церковнымъ традиціоннымъ пониманіемъ Св. Писанія, а для этого Протасовъ вводитъ въ программы духовныхъ семинарій *патристику* или *ученіе объ отцахъ Церкви*, изъ чего впослѣдствіи духовныя академіи и семинаріи сдѣлали науку. Кромѣ святоотеческаго пониманія, духовенство не должно искать иного средства для разумѣнія Св. Писанія по славянской Библіи, а для утвержденія славянскаго текста Библіи въ этомъ самодовлѣющемъ достоинствѣ, Протасовъ вноситъ на Высочайшее усмотрѣніе предложеніе о признаніи славянской Библіи единственнымъ церковнымъ текстомъ для церковнаго, учебнаго, общественнаго и домашняго употребленія, какъ это сдѣлано въ римско-католической церкви относительно латинской Вульгаты. Митро-

политъ Филаретъ, при согласіи митрополитовъ петербургскаго и кіевскаго, отстранилъ это покушеніе ссылкою на то, что Святѣйшій Сунодъ при исправленіи Библіи не усмотрѣлъ надобности провозгласить славянскій текстъ самодовлѣющимъ, исключающимъ нужду въ другихъ текстахъ.

Если славянскій переводъ неясенъ и вызываетъ надобность въ разъясненіяхъ, то, подсказывали Протасову съ его одобренія услужливые люди, нужно сдѣлать новый переводъ Библіи съ греческаго на славянскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, устраняя собою и дѣлая излишнимъ русскій переводъ, могъ получить исключительное употребленіе въ русской церкви. Такое предложеніе также не получило одобренія Сунода и вызвало, напротивъ, предположеніе, что оно исходитъ отъ «всегда скрытно дѣйствующихъ агентовъ латинства». Когда дѣло о провозглашеніи славянской Библіи единственно канонической не состоялось, предположенія обратились, въ томъ же направленіи, къ исключительному употребленію славянскаго текста и греческаго перевода LXX въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ при изъясненіи Св. Писанія, съ устраненіемъ отъ этого изъясненія еврейскаго текста, какъ испорченнаго. Черезъ это косвенно подвергались запрещенію всѣ попытки пе-

ревода цѣлыхъ священныхъ книгъ или отдѣльныхъ мѣстъ съ еврейскаго и вообще всякое обращеніе къ еврейскому тексту. Митрополитъ московскій Филаретъ и въ этотъ разъ отстоялъ одинаковое критическое достоинство еврейскаго и греческаго текстовъ, представивъ въ Святѣйшій Синодъ обстоятельную записку «о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго семидесяти толковниковъ и славянскаго перевода Священнаго Писанія».

При такомъ настроеніи высшаго духовнаго управленія новые переводы Библіи на русскій языкъ не могли появляться. Это съ полною очевидностью сказалось въ исторіи съ новыми переводами библейскихъ книгъ съ еврейскаго на русскій протоіерея Г. П. Павскаго и архимандрита Макарія (Глухарева) алтайскаго. Г. П. Павскій, первый студентъ перваго курса академіи, выпуска 1814 года, баккалавръ, а потомъ профессоръ этой академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка, на лекціяхъ своихъ со студентами послѣдовательно перевелъ съ еврейскаго рядъ библейскихъ книгъ (Іова, Екклезіаста, Пѣснь Пѣсней, Притчи Соломоновы, Пророковъ большихъ и малыхъ), какъ бы въ продолженіе переведенной при его главномъ участіи первой части Библіи (Вось-

микнижіе). Списки перевода передавались изъ курса въ курсъ, пока, наконецъ, уже по выходѣ Г. П. Павскаго изъ академіи, студенты XIII курса (выпущенные въ 1839 году), для облегченія себя въ списываніи новыхъ экземпляровъ, не отлитографировали этихъ списковъ. Литографированными экземплярами студенты пользовались на лекціяхъ Св. Писанія и еврейскаго языка, изъ постороннихъ лицъ они давали эти списки только извѣстнымъ профессорамъ и учителямъ семинарій. Изъ этого обстоятельства въ 1841 году возникло настоящее слѣдственное дѣло по обвиненію составителя перевода и его читателей и держателей въ извращеніи Св. Писанія, въ колебаніи основъ православнаго пониманія.

Еврейскій текстъ Библіи разнится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ греческаго перевода LXX; естественное показаніе этого различія въ сплошномъ переводѣ цѣльныхъ библейскихъ книгъ, при сравненіи съ принятымъ у насъ переводомъ съ греческаго, перестановка отдѣльныхъ мѣстъ нѣкоторыхъ книгъ и надписаніе содержанія отдѣловъ вмѣнены были составителю перевода въ злоумышленное извращеніе Слова Божія, въ намѣренный подрывъ принятыхъ въ Церкви воззрѣній и догматовъ, въ воспитаніе въ народѣ обольстительнаго, но

вмѣстѣ и гибельнаго, чувства независимости отъ церкви, въ ниспроверженіе коренныхъ началъ православія, такъ какъ, по ученію православной Церкви, какъ писалъ митрополитъ петроградскій Серафимъ, Священное Писаніе предано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей, и уже чрезъ нихъ народу.

Г. П. Павскій въ своихъ объясненіяхъ на допросѣ высшей комиссіи, состоявшей изъ митрополитовъ московскаго и кіевскаго и оберъ-прокурора, графа Протасова, показалъ, что переводъ библейскихъ книгъ налитографированъ студентами безъ его разрѣшенія; что переводъ этотъ дѣлалъ онъ на лекціяхъ еврейскаго языка, совершенно не имѣя въ виду догматическихъ соображеній, связанныхъ съ извѣстными текстами по греческому переводу; что для установки содержанія еврейскаго текста съ греческимъ, въ цѣляхъ вѣроучительныхъ, имѣются каѳедры Священнаго Писанія и догматическаго богословія; что онъ вообще велъ дѣло по методу священной филологіи, въ интересахъ чисто научныхъ, въ предѣлахъ своего класса и не имѣлъ никогда въ виду выносить учебныя упражненія въ широкое пользованіе за стѣны академіи. Не смотря на такія подробно доказанныя объясненія Г. П. Павскаго, дѣло о его переводѣ про-

изводилось слѣдствіемъ четыре года, подняло на ноги всю іерархію, всѣ духовно-учебныя заведенія по всей Россіи, всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ причастности къ пользованію литографированными списками, вызвало темныя силы доносителей, и при чтеніи его, напримѣръ въ митрополичьемъ архивѣ, получается впечатлѣніе, что вы находитесь въ душной атмосферѣ политическаго сыскного отдѣленія, а не научнаго или духовно-просвѣтительнаго разслѣдованія. Какихъ-либо существенныхъ обвиненій противъ Г. П. Павскаго духовное слѣдствіе не дало, и дѣло было прекращено въ 1844 году по Высочайшему повелѣнію. Переводы его напечатаны не были, но для послѣдующихъ переводчиковъ, благодаря точности и достоинствамъ языка, были прекраснымъ незамѣнимымъ пособіемъ.

Другой русскій переводъ библейскихъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ еврейскаго въ это же время сдѣланъ былъ, независимо отъ перевода Павскаго, другимъ питомцемъ нашей академіи, ученикомъ Павскаго и митрополита Филарета, — алтайскимъ архимандритомъ Макаріемъ (Глухаревымъ). Для миссіонерскихъ потребностей среди алтайскихъ инородцевъ Макарій живо чувствовалъ необходимость общепонятнаго перевода Слова Божія, неудобство просвѣщенія инородцевъ

по славянскому тексту Библіи, часто мало понятному или неточному. Его проповѣдническая ревность видѣла потребность въ русскомъ переводѣ и для другихъ новообращенныхъ въ русскомъ государствѣ изъ язычниковъ, магометанъ и іудеевъ, и для самого русскаго простого народа. Уже въ 1834 г. онъ прислалъ московскому митрополиту Филарету письмо «о потребности для россійской церкви преложенія всей Библіи съ оригинальныхъ текстовъ на русскій языкъ». Но митрополитъ Филаретъ не далъ этому письму въ ту пору никакого движенія потому, что высшая духовная власть того времени неблагосклонно относилась ко всѣмъ попыткамъ подобнаго рода.

Это не остановило Макарія. Онъ началъ переводить Библейскія книги съ еврейскаго языка и въ 1837 г. прислалъ въ комиссію духовныхъ училищъ для разсмотрѣнія переводъ книги Іова съ особымъ прошеніемъ на высочайшее имя о соизволеніи Государя на это общеполезное дѣло, въ 1839 г. прислалъ такимъ же порядкомъ переводъ книги пророка Исаіи, потомъ представилъ тѣ же книги съ исправленіями примѣнительно къ переводу Павскаго. Сужденіе Сѵнода по этимъ переводамъ было неутѣшительно для переводчика: въ виду того, «что архимандритъ

Макарій, употребляя предъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ настоящіе о продолженіи перевода Священнаго Писанія на русское нарѣчіе, преступаетъ предѣлъ своего званія и своихъ обязанностей и тѣмъ болѣе, что входитъ въ сужденія, несогласныя съ рѣшеніемъ уже принятымъ по сему предмету высшею властію; что неосмотрительная ревность его основывается на погрѣшительномъ мнѣніи, будто церковь россійская не имѣетъ своего Священнаго Писанія на природномъ нарѣчіи россійскаго народа, тогда какъ она имѣетъ оное на природномъ славяно-русскомъ языкѣ, который употребляется и въ церковномъ богослуженіи, и на которомъ и простолюдины Священное Писаніе читаютъ и разумѣютъ, и нѣкоторые даже охотнѣе читаютъ, нежели въ переводѣ на ново-русское нарѣчіе»— внушить архимандриту Макарію надлежащее смиреніе чрезъ наложеніе на него церковной эпитиміи.

Въ 1841 году архимандритъ Макарій представлялъ въ Святѣйшій Сѵнодъ извлеченіе изъ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ для чтенія новообращеннымъ подъ именемъ Алфавитъ Библіи. Святѣйшій Сѵнодъ поручилъ разсмотрѣть этотъ трудъ ректору нашей академіи архимандриту Аѳанасію Дроздову, усердному

насадителю правительственной политики, отзывъ данъ былъ сокрушающій, и переводчику снова послѣдовало строгое внушеніе за преступленіе долга смиренія предъ церковною властью, а затѣмъ вскорѣ и «упокоеніе» въ Болховскомъ Оптиномъ монастырѣ, орловской епархіи. Переводъ архимандрита Макарія почти всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ былъ напечатанъ въ 60-хъ годахъ, послѣ смерти Макарія († 1847) въ Православномъ Обозрѣніи и, на ряду съ переводомъ Г. П. Павскаго и другихъ лицъ, послужилъ пособіемъ для послѣдующихъ переводчиковъ.

Вновь дѣло русскаго перевода Библіи возобновилось и дошло до конца только послѣ вступленія на престолъ Императора Александра II. Общій гуманный строй политики Александра II не могъ препятствовать снятію завѣсы съ Слова Божія, и митрополитъ московскій Филаретъ во время коронаціи государя въ Москвѣ, въ 1856 г., испросилъ высочайшее соизволеніе на возобновленіе прерваннаго дѣла русскаго перевода. Не безъ усилій удалось митрополиту Филарету привести въ осуществленіе это дѣло. Были предъявлены весьма значительныя возраженія противъ полезности перевода, обоснованныя и направленныя въ высшія сферы митрополитомъ кіевскимъ

Филаретомъ (Амфитеатровымъ). Возраженія эти выставляли приблизительно слѣдующее: для простой вѣры довольно одного славянскаго текста съ нѣкоторою его темнотою и священною важностью славянской рѣчи; для благочестиваго чувства соблазнительно одни и тѣ же мѣста Священнаго Писанія слышать въ церкви на славянскомъ языкѣ и дома читать по-русски; переводъ книгъ ветхаго завѣта съ еврейскаго языка умалитъ авторитетъ греческаго текста семидесяти толковниковъ и авторитетъ свв. отцовъ, опиравшихся въ изъясненіи Священнаго Писанія преимущественно на переводъ семидесяти; переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго текста есть нововведеніе, начавшееся со времени Лютера и принятое исключительно на западѣ лютеро-кальвинскими обществами и т. п. Возраженія Святѣйшимъ Сѵнодомъ не были признаны уважительными, и въ 1858 году состоялось опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода о переводѣ Священнаго Писанія на русскій языкъ; переводъ рѣшено было начать съ Новаго Завѣта, какъ болѣе легкаго, въ виду существованія прежняго перевода Библейскаго общества.

Непосредственное исполненіе перевода было возложено на духовныя академіи; на каждую изъ четырехъ академій

возложенъ былъ переводъ одного евангелиста (на Петроградскую — Евангеліе отъ Матѳея); греческій оригиналъ былъ указанъ въ текстѣ, какой принятъ былъ въ духовныхъ училищахъ; провѣрку переводовъ и главное наблюденіе Святѣйшій Сѵнодъ оставилъ за собою. За переводомъ четырехъ евангелій послѣдовалъ въ такомъ же порядкѣ переводъ Дѣяній, Посланій Апостольскихъ и Апокалипсиса. Доставлявшіяся въ Святѣйшій Сѵнодъ части перевода разсматривались членами Сѵнода и обсуждались въ присутствіи, протопресвитеръ В. Б. Бажановъ дѣлалъ общій сводъ замѣчаній и наблюдалъ потомъ за печатаніемъ переведенныхъ книгъ. До печатанія переводъ отсылался для отзыва въ Москву, къ митрополиту Филарету, и его замѣчанія снова были предметомъ обсужденія въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ. Весь Новый Завѣтъ оконченъ переводомъ и напечатанъ въ 1860—1862 г.г.

По окончаніи перевода Новаго Завѣта приступлено было къ переводу священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Святѣйшій Сѵнодъ въ этомъ дѣлѣ принялъ другой, болѣе упрощенный, порядокъ работы. Онъ сначала (въ 1860 г.) пригласилъ духовныя академіи къ подготовкѣ переводовъ. Для руководства въ переводѣ отъ Святѣй-

шаго Сѵнода дано было общее указаніе, составленное митрополитомъ Филаретомъ, относительно порядка перевода и оригиналовъ, съ которыхъ слѣдуетъ переводить священныя книги. Главный трудъ по переводу ветхозавѣтныхъ книгъ также пришлось понести Петроградской академіи.

Дѣятельное вниманіе труду академическихъ переводчиковъ нашей академіи оказывали тогдашніе митрополиты—Григорій и затѣмъ Исидоръ. Митрополитъ Григорій даже далъ академіи при началѣ перевода свой экземпляръ перевода первыхъ восьми книгъ Ветхаго Завѣта, изданнаго Библейскимъ обществомъ и сожженнаго при митрополитѣ Серафимѣ. Для перевода при академіи образованъ былъ комитетъ, въ которомъ, кромѣ профессоровъ академіи, принимали участіе нѣкоторые члены конференціи изъ столичнаго духовенства (протоіереи: М. И. Богословскій, Ѳ. Ѳ. Сидонскій, И. К. Яхонтовъ, П. Ѳ. Солярскій и К. П. Добронравинъ), но вскорѣ комитетъ былъ преобразованъ и въ новомъ составѣ состоялъ изъ профессора Священнаго Писанія М. А. Голубева, преподавателя еврейскаго языка Д. А. Хвольсона и профессора греческаго языка Е. И. Ловягина. Въ 1869 г., послѣ смерти М. А. Голубева, въ комитетъ приглашенъ

былъ П. И. Савваитовъ. Въ Кіевской академіи надъ переводомъ трудились профессора М. С. Гуляевъ и Максимовичъ; отъ Москвы внесена была лепта священникомъ А. А. Сергіевскимъ. Въ 1867 году Святѣйшій Сѵнодъ, для собственнаго изданія ветхозавѣтныхъ книгъ, избралъ переводы нашей духовной академіи, напечатанные въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1860—1867 г.г., и предложилъ конференціямъ Московской, Кіевской и Казанской духовныхъ академій высказаться о достоинствѣ этихъ переводовъ. На основаніи сообщеній конференцій Святѣйшій Сѵнодъ одобрилъ переводы, и съ 1868 г. по 1875 г. послѣдовательно по частямъ, а потомъ и полностью, по благословенію Святѣйшаго Сѵнода, была издана на русскомъ языкѣ вся Библія.

Воздадимъ глубокую признательность и благодарность всѣмъ, трудившимся въ великомъ просвѣтительномъ, святомъ дѣлѣ перевода Библіи на русскій языкъ: и тѣмъ, которые пролагали первый путь и понесли всю тяготу дня и варъ, какъ митрополитъ Филаретъ, Г. П. Павскій, архимандритъ Макарій и старшая братія нашей академической семьи, полагавшая начало общему дѣлу, и тѣмъ, которые вслѣдъ за ними съ усердіемъ и любовію продол-

жали и успѣшно завершили великое церковное и государственное дѣло: святителямъ петроградскимъ Григорію и Исидору и тѣмъ изъ нашихъ братій, здѣсь именованныхъ, которыхъ старшіе изъ насъ еще видѣли за ихъ трудами въ этихъ стѣнахъ...

Значеніе русскаго перевода Библіи, снабженнаго благословеніемъ высшей русской церковной власти, безспорно велико. Онъ раскрываетъ предъ русскимъ православнымъ народомъ возможность читать слово Божіе на родномъ, понятномъ ему, языкѣ и почерпать въ немъ наставленіе и подкрѣпленіе въ вѣрѣ, руководство и утѣшеніе въ жизни. Онъ для всѣхъ является источникомъ для ознакомленія съ высшими истинами вѣры и духовнаго созерцанія въ понятіяхъ и выраженіяхъ, привычныхъ для нашего времени. Не совсѣмъ непонятенъ русскому человѣку и церковный, славянскій переводъ, но тысячелѣтняя его давность и большая связь его съ предкомъ, а не съ нынѣшнимъ видомъ русскаго языка, ставитъ его для обычнаго нашего пониманія родственнымъ, но все-таки чуждымъ языкомъ, который какой-то завѣсой прикрываетъ свое содержаніе отъ нашего уха. Для христіанскаго воспитанія существенно необходимо непосредственное приближеніе Слова Божія къ понятіямъ и языку народа;

необходимо оно и для самого освященія и возвышенія этого языка на высшую ступень христіанскаго просвѣщенія, для христіанизаціи, такъ сказать, всей культурной атмосферы, и эта необходимость можетъ оспариваться только по сторониимъ житейскимъ соображеніямъ.

Переводъ Библіи на народный языкъ есть вершинан аціональнаго проникновенія въ высочайшія библейскія истины. Пройдутъ вѣка, и съ чѣмъ будутъ справляться для опредѣленія степени библейскаго пониманія нашего нынѣшняго православія? Не съ книгой частнаго представителя нашей церковной или богословской мысли, а съ тѣмъ основнымъ, важнѣйшимъ памятникомъ нашей національной христіанственности, какимъ является авторизованный переводъ русской Библіи. Онъ будетъ свидѣтельствовать въ исторіи о глубинѣ и свойствахъ нашего проникновенія въ Вѣчную Книгу. При такомъ значеніи національнаго авторизованнаго перевода Библіи въ столѣтнюю годовщину русскаго перевода Библіи, изданнаго съ благословенія Святѣйшаго Сѵнода, позволительно задать вопросъ: насколько достаточенъ для нашего времени этотъ заслуженный и почтенный трудъ?

Книги, какъ и люди, старѣютъ. Наше законодательство признаетъ срокъ жизни лите-

ратурнаго произведенія въ пятьдесятъ лѣтъ; чрезъ пять десятъ лѣтъ произведеніе заканчиваетъ свой предѣльный возрастъ и уже не пользуется охраной закона. Оно становится пережиткомъ своего времени; новыя поколѣнія требуютъ иного удовлетворенія ихъ новымъ умственнымъ запросамъ, ихъ литературнымъ вкусамъ. Переживаютъ средній предѣлъ литературной жизни только исключительныя, геніальныя произведенія. Наша русская Библія нынѣ считаетъ столѣтнюю годовщину со дня Высочайшаго указа о ея началѣ. Правда, завершеніе свое она получила позднѣе, но и этотъ поздній предѣлъ совпадаетъ съ нормальнымъ срокомъ для жизни произведенія. При томъ этотъ ординарный срокъ жизни переживаетъ только часть, переведенная для сѵнодальнаго изданія. Та же часть русскаго перевода, которая была въ свое время изготовлена и издана библейскимъ обществомъ, внесена въ сѵнодальное изданіе почти въ томъ же самомъ видѣ, и такимъ образомъ считаетъ за собою два литературныхъ вѣка.

Значительный перерывъ въ дѣлѣ перевода всетаки не порвалъ переведенная традицій. Одно, и при томъ главное, лицо участвовало одинаково и въ старомъ переводѣ библейскаго общества и въ новомъ сѵнодальномъ переводѣ, руководственныя ука-

занія для того и другого перевода писались этимъ лицомъ,—общій обликъ обоихъ переводовъ оставался и въ новую пору тотъ же, какимъ онъ былъ заложенъ въ эпоху библейскаго общества. Относительно языка русскаго перевода со времени библейскаго общества выработался пріемъ охранять стиль перевода отъ приближеній къ современному языку. Переводчики второго періода сжились съ этимъ пріемомъ, и ихъ переводы въ общемъ слѣдуютъ тому же наклону. Подобно языку, одна традиція перевода выдерживалась и въ другихъ отношеніяхъ. Итакъ, достаточенъ ли для нашего времени русскій переводъ сѵнодальнаго изданія Библіи?

Мы позволимъ себѣ отвѣтить сразу: онъ достаточенъ для элементарной потребности въ назидательномъ чтеніи, но всякіе болѣе повышенные запросы имъ удовлетвориться не могутъ. Укажемъ на три особенности нынѣшняго русскаго перевода Библіи, которыя существенно отстали отъ запросовъ и потребностей нашего времени.

Русскій сѵнодальный переводъ Библіи представляетъ изданіе не авторитетное по своему составу. Издатели предположили дать Библію на русскомъ языкѣ въ томъ составѣ и видѣ, въ какомъ содержитъ ее наша Церковь и знаетъ народъ. Но этотъ

составъ и видъ славянской Библіи нуждается въ оправданіи: издатели не изслѣдовали, какъ давно и какимъ путемъ наша славянская Библія получила свой составъ, въ частности съ какихъ поръ и по какимъ каноническимъ основаніямъ наша Церковь стала вводить въ свою Библію неканоническія книги и добавленія къ книгамъ каноническимъ. Есть достаточныя основанія утверждать, что наша традиція славянской Библіи включать въ свой составъ неканоническія книги—явленіе позднято времени: она впервые введена въ нашу практику латинникомъ, доминиканцемъ Веніаминомъ, при составленіи въ Новгородѣ Геннадіевской Библіи въ 1499 г. съ латинской вульгаты. Такую традицію нѣтъ основаній закрѣплять безъ провѣрки въ русской Библіи: священный ковчегъ завѣта только съ величайшею осторожностью можетъ раскрываться для новыхъ привносовъ.

Русскій сѵнодальный переводъ Библіи, въ ветхозавѣтной части, составленъ на основаніи еврейскаго и греческаго текстовъ безъ всякой попытки къ ихъ органическому объединенію, путемъ механической спайки. Сравните нашъ переводъ съ еврейскимъ и греческимъ текстами, онъ въ общемъ не совпадетъ ни съ однимъ. Это

текстъ искусственнаго образованія, несходный и съ тѣмъ искусственнымъ славянскимъ текстомъ, который онъ долженъ объяснять. Эту особенность нашего русскаго перевода породилъ общій сдвигъ нашей національной славянской Библіи съ ея природнаго русла въ русло западное. Если свой природный обликъ въ славянской Библіи былъ признанъ недостаточнымъ и потребовалъ восполненія, то этимъ раскрывалась дверь для подобныхъ же восполненій и на русской почвѣ. Въ XV в. оказалось нужнымъ внести добавленіе къ славянскому тексту изъ латинской вульгаты, въ XIX в. съ такимъ же правомъ русскій текстъ сочтено было возможнымъ составить изъ еврейскаго и греческаго источниковъ. Внесеніе въ синодальную Библію, въ ветхомъ завѣтѣ, объединеннаго перевода еврейскаго и греческаго обязано настоянію приснопамятнаго митрополита Филарета, возражавшаго какъ противъ перевода съ одного еврейскаго текста, такъ и съ одного греческаго. Мы, при всемъ уваженіи къ заслугамъ митрополита Филарета въ дѣлѣ перевода, склонны стать на сторону его возражателей.

Объединеніе двухъ различныхъ текстовъ въ одномъ сводномъ текстѣ можно бы допустить въ двухъ случаяхъ: 1) когда

научно было бы дознано, что тексты шли и развивались именно такъ, что изъ ихъ объединенія будетъ возстановленъ ихъ настоящій оригиналъ, и что данное объединеніе и представляетъ этотъ оригиналъ; 2) когда — при отсутствіи такого доказательства—было бы точно установлено, что безъ такого объединенія еврейскаго и греческаго текстовъ пострадаетъ христіанское вѣроученіе или такая-то важная его часть. Этихъ условій въ настоящемъ положеніи дѣла нѣтъ, и мы не видимъ побудительныхъ основаній сходить съ твердой почвы исконнаго церковнаго текста на зыбкую поверхность новыхъ исканій.

Мы, славяне, имѣли счастье получить на зарѣ нашего просвѣщенія исконный, восточный, канонической составъ и видъ Библіи въ трудѣ первыхъ переводчиковъ нашей славянской Библіи. Этотъ видъ Библіи, къ сожалѣнію, былъ неосмотрительно разбавленъ новыми привносами въ XV вѣкѣ, и возстановленіе старой Библіи до этого ея измѣненія является неотложной задачей нашего времени. Русская Библія, покамѣстъ, до возстановленія подлиннаго вида славянской Библіи, могла ограничиться воспроизведеніемъ доступнаго издателямъ греческаго текста. Русское православіе нисколько

не потеряло бы, если бы русская Библія воспроизвела въ качествѣ церковнаго, авторизованнаго текста, греческій текстъ (какъ это должно быть строго проведено и въ славянской Библіи), а параллельно съ этимъ могъ существовать, напр., какъ академическое изданіе, и переводъ съ настоящаго еврейскаго текста, безъ смѣшенія его съ греческимъ. Литературное творчество въ священной письменности, какъ и всякій другой цѣльный, органическій трудъ, имѣетъ право на уваженіе къ свойственному ему стилю. Русскій сводный библейскій текстъ нарушаетъ стиль еврейскаго текста, стиль греческаго текста и не создаетъ того, что могло бы перейти къ потомству какъ прочное историческое выраженіе русскаго библейскаго стиля.

Русскій синодальный переводъ Библіи по строю своего языка отсталъ отъ языка нашей современной литературы и общества настолько, насколько этотъ современный языкъ отошелъ отъ языка Державина. Уже въ свое время, при началѣ перевода въ Библейскомъ Обществѣ и при его продолженіи въ царствованіе Александра II, языкъ перевода Библіи не былъ живымъ языкомъ своего времени. По странно живучей теоріи—красота русскаго языка, осо-

бенно языка священнаго, состоитъ во внесеніи въ него величавыхъ славянскихъ словъ и оборотовъ; живой русскій языкъ будто бы недостаточенъ для выраженія священныхъ понятій: онъ будто бы принижаетъ эти понятія и долженъ быть подмѣненъ языкомъ церковно-славянскимъ. Забываютъ эти поклонники церковно-славянскаго языка, что и славянскій языкъ былъ нѣкогда полонъ языческихъ красокъ и очарованій, что только благопріятное примѣненіе его къ высокому христіанскому содержанію стерло въ немъ языческій обликъ, и въ нашемъ сознаніи онъ теперь всецѣло стоитъ какъ языкъ священный.

Библейское Общество, въ лицѣ своихъ исполнителей перевода, пыталось вносить чистый русскій языкъ въ свои переводы въ правильномъ убѣжденіи, что такой переводъ будетъ понятнѣе русскому читателю и будетъ болѣе соотвѣтствовать достоинству русскаго изданія, но митрополитъ Филаретъ, тогда архимандритъ, настоятельно обращалъ такіе переводы на путь важной славянской рѣчи; то же извѣстно объ исправленіи имъ примѣнительно къ строю славянской рѣчи переводовъ конференціи московской духовной академіи. Съ теченіемъ времени въ переводческой практикѣ выработался соотвѣтствующій языкъ строгаго

книжнаго тона съ славянской окраской, съ обильными причастіями на—щій и—шій, съ цѣлыми выраженіями изъ славянскаго перевода.

Переводчики завѣдомо избѣгали мысли освятить живой русскій языкъ высотою библейскихъ понятій и тѣмъ, по великой важности библейскаго перевода въ національномъ языкѣ, лишили живой языкъ сближенія съ областью высшихъ религіозныхъ понятій и проведенія ихъ въ жизнь. Отсталый въ свое время, старообразый, книжный языкъ русскаго перевода Библіи не хотѣлъ видѣть протекавшія мимо него времена блестящаго расцвѣта русской литературы, когда неслись рядомъ съ нимъ, сверкая и очаровывая своимъ блескомъ, драгоцѣнные алмазы изъ глубокихъ родниковъ родного слова. Эти алмазы не прошли у насъ чрезъ горнило высшей чистоты и понесли съ собою только ту степень свѣжести и цѣлебной силы, какая свойственна ихъ природной почвѣ.

Есть національные переводы Библіи—средоточія и гордость національной литературы; ихъ рѣчь напояетъ литературу подборомъ самыхъ живыхъ и возвышенныхъ понятій, создаетъ высокую благородную атмосферу въ самой текучести народной жизни; нашъ русскій библейскій пере-

водъ не изъ такихъ литературныхъ цѣнностей. Благородство стиля въ нашемъ литературномъ языкѣ образуется безъ участія созидающей силы Слова Божія въ русскомъ отображеніи. Это незамѣнимая потеря...

Если вглядѣться въ живыя, вдохновенныя рѣчи пророковъ и сравнить ихъ съ безжизненнымъ отраженіемъ ихъ въ сухомъ, устарѣломъ, безличномъ русскомъ переводѣ, то поймешь, что этотъ переводъ не въ состояніи поднять до высотъ наслажденія не только получившаго вкусъ къ живымъ родникамъ слова и вдохновенія свѣтскаго литератора или простого читателя, но не вдохнетъ подъема чувства и воли и привычному къ школьной условности въ языкѣ питомцу духовной школы. Не потому-ли такъ безцвѣтенъ и безсиленъ языкъ нашихъ проповѣдниковъ, что высшій образецъ ихъ вдохновенія совершенно лишенъ мелодіи звука, чувства красоты и правдивости рѣчи, блѣденъ и безжизненъ? Не потому ли въ духовной средѣ такъ мало поэтическаго творчества, что вершина ея поэтическаго созерцанія совершенно лишена чувства поэзіи? Для передачи высотъ величайшаго въ мірѣ религіознаго и жизненно-творческаго Слова нужно внутреннее сродство съ этимъ Сло-

вомъ. Для надлежащаго достоинства русскаго національнаго перевода Библіи нужны творцы, художники слова, а не только его усердные служители.

Давно, долгіе годы наши предки строили великолѣпный чертогъ. Теперь по наслѣдству онъ перешелъ къ намъ. За долгое время онъ обветшалъ, и его убранство поблекло. Нашъ долгъ поддержать его крѣпкія стѣны и придать ему тѣ украшенія, какихъ онъ по праву заслуживаетъ.